

РЕЦЕНЗИИ

Начало диалога или конец истории?

А. Ю. Дворниченко

Для цитирования: Дворниченко А. Ю. Начало диалога или конец истории? // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 4. С. 1288–1301.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.417>

В начале своей статьи автор присоединяется к наблюдению об общем падении культуры в последнее время, что проявляется во всех сферах художественного творчества. Снижающийся уровень культуры не может не сказываться и на исторической науке, которая существует только в контексте высокой культуры, являясь атрибутом развитого в этом отношении общества. Автор с ужасом наблюдает инволюцию исторической науки, которую для ликвидации терминологической путаницы вслед за Ю. И. Семеновым предлагает именовать историологией. Многие историки забывают, что такое их наука, чем является труд ученого, что такое научная новизна, научная мысль. В качестве примера автор рассматривает недавно вышедшее крупное сочинение Т. В. Черниковой (в двух книгах), посвященное так называемой европеизации России. В первой книге, которая и дала название данной статье, речь идет о XV–XVI вв., а во второй — о XVII столетии. Сочинение в целом подвергается в статье жесткой критике. Одна из претензий — отсутствие *de facto* объяснения того, чем, собственно, является европеизация и как, собственно, ее изучать, какие источники должны лежать в основе этого изучения. Вроде бы главный источник — «сказания» иностранцев. Есть большие претензии к лапидарным и бессистемным историографическим обзорам и обзорам источников в обеих книгах. Но это еще не самое страшное, поскольку обзоры практически не связаны с последующим текстом. А текст, построенный на чрезвычайно узком круге литературы и источников, являет из себя некие рассказы из русской истории, изобилующие ошибками, неточностями и несуразностями. Автор книг при этом строит свое «исследование» на лапидарной историографии (а не на источниках), применяя своеобразный авторский прием. В начале главы отмечается, что по данной теме есть такая-то статья или книга — «вот по ним-то мы и будем излагать данную тему». Во

Андрей Юрьевич Дворниченко — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.dvornichenko@spbu.ru

Andrey Yu. Dvornichenko — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.dvornichenko@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

многих случаях подобной ремарки нет, а суть подхода та же. В книгах совершенно отсутствует научная новизна, зато в изобилии ошибки. В роли справочника ее нельзя использовать по тем же причинам.

Ключевые слова: культура, история, Т. В. Черникова, европеизация, Россия XV–XVII вв., конец историологии.

A Beginning of Dialogue or an End of History?

A. Yu. Dvornichenko

For citation: Dvornichenko A. Yu. A Beginning of Dialogue or an End of History? *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, issue 4, pp. 1288–1301. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.417> (In Russian)

At the beginning of his article the author postulates a general decline of culture nowadays which manifests itself in many kinds of arts, and also in the “art of History”. To the author’s dismay, the latter has been reduced to what can be called, according to Iu. I. Semenov, “istoriology”. Many historians now forget what history is, what an essence of scholar’s work is, what a scholar’s novelty is, and so on. To exemplify this tendency, the article concerns with the book recently published in Moscow. This monograph written by T. V. Chernikova consists of two books devoted to so called Europeanization of Russia. The first book focuses on the 15-16th centuries, and the second book — on the 17th century. This work is severely criticized in this review. The author shows that T. V. Chernikova does not explain the meaning of the word “Europeanization” and the essence of this notion. The author objects to the historiography and the sources in these books. However, the major criticism is concerned with the fact that historiography is not connected with the following text. The text itself based on a very limited range of scholarship and sources abounds in a large number of inaccuracies, errors and nonsense. Even this limited range of historiography the author of the books uses very originally. She simply retells some books or articles — sometimes she refers to them, sometimes — not! There is no academic novelty in the reviewed books, and their author does not understand what is “a historian’s craft” is. These books do not contribute to the scholarship at all.

Keywords: Culture, History, T. V. Chernikova, Europeanization, Russia of 15–17th centuries, the End of Istoriology.

Если начать с того самого *ab ovo*, рискуя вовек не добраться до вожаемой фруктозы, то приходится сказать о названии этой рецензионной статьи. Ну, с «диалогом» и так понятно, да и ниже еще яснее станет, а вот что касается «истории», даже пока не имея в виду ее конца, то она требует пояснений. У нас ведь под историей много, что разумеют... Незабвенный историк-философ Арсений Гулыга насчитал в свое время в русском языке «по крайней мере шесть значений этого слова»¹. Впрочем, дело не в подсчетах: считали и до него, и после². А дело в том, что нам, славянам, никак не обрести ясности в наших терминах, не уподобиться добропорядочным германским специалистам. Что ж, будем делить такую терминологическую неразбериху с англосаксами, а для нужд данной статьи отметим, что

¹ Гулыга А. В. Искусство истории. М., 1980. С. 8.

² Дворниченко А. Ю. К вопросу о предмете историографии // Древняя Русь: общество, власть, культура: сб. ст. к 60-летию профессора В. В. Пузанова. Ижевск, 2020. С. 12–23.

под историей я подразумеваю именно то, чему покровительствует небезызвестная муза — науку историю³.

Она, эта наука, вызывает у нас ныне большое беспокойство, поскольку очень ранима и при этом доступна. Всяк политик, чиновник, юрист, врач и прочие нороят с ней разобраться, рассказать о том, как же оно на самом деле *было*. И это, кстати, отнюдь не главная беда нашей науки. Возможно даже, и не беда вовсе: и приятно, что интересуются, да и при таком внимании, может, историкам будет житья лучше, меньше увольнять будут? А если ошибки какие, то ведь профессионалы всегда исправить могут...

Беда другая пришла! Не надо быть индуистом, чтобы почувствовать, что культура наша давно уже вошла в тот самый период Кали-Юги, мрачный и довольно тупиковый. Меня сейчас не причины интересуют, а следствия. Впрочем, и о следствиях можно долго говорить, а такой возможности у меня нет. Ясно только то, что культура уходит, растворяется, сменяясь каким-то эрзацем из новомодной терминологии и идеологии. Иногда такое впечатление, что «Мамай прошел»: художники забывают, как картины писать, режиссеры — как фильмы снимать, архитекторы возводят какие-то отвратительные короба вместо прекрасных зданий. История в том значении, которое мы обозначили, неотделима от культуры: в конце концов, она ведь достояние культурного общества, слитая с литературой, филологией и другими гуманитарными науками. А ведь еще есть и «искусство истории», о котором писал тот же А. В. Гулыга. И вот с ужасом наблюдаем инволюцию истории, подобно другим сферам культуры: историки забывают, что такое их наука, чем является труд ученого, что такое научная новизна, научная мысль и т. д. и т. п. Как всадники Апокалипсиса или зловерные химеры, надвигаются на нашу науку забвение, непонимание, невежество. Это притом, что наука наша гибкая по определению. И дело ведь не в том, чтобы жестко дифференцировать научную и научно-популярную продукцию или писать кондовым научным языком. Как тут не вспомнить классику: «Люди и нравы Древней Руси» Б. А. Романова. Да и мало ли примеров! Главное, чтобы, беря в руки книгу, читатель понимал, что хочет сказать историк, и еще главнее — что он нового сказать может, а иначе зачем он взялся за перо?

Все мы со школьной скамьи — носители изрядно нам поднадоевшего внеисточникового знания, и отсутствие новизны мы прощаем, ну, скажем, учебнику для начальной школы. А когда научная литература начинает напоминать такого рода учебник, то это, безусловно, являет собой ужасный конец исторической науки, который, вопреки известной ныне поговорке, ничуть не лучше ужаса без конца от чтения этой литературы. В свое время я решил бороться в меру своих сил с такой ситуацией⁴. Иногда, правда, напоминаю себе того славного идадьго из винодельческой испанской провинции, да и сил все меньше. Но, что делать, — *dum spiro spero!*

³ Всей душой поддерживаю патриарха нашей философии истории Ю. А. Семенова, который предложил ввести понятие «историология» для обозначения исторической науки. Все встает на свои места: вместо истории как научной дисциплины — эта самая историология, а вместо также крайне неопределенного термина «историография» я предложил «историологоведение» (*Дворниченко А. Ю. К вопросу о предмете историографии*). И уж тут никто не запутается.

⁴ *Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства*. СПб.: М., 2017.

С чем же конкретно побороться? Вот книга, между прочим, в двух томах, увидевшая свет отнюдь не в городе Кукуеве⁵, а в столице нашей Родины — городе-герое Москве⁶. Осилили этот кондуит два издательства, название одного из которых по странному стечению обстоятельств звучит несколько зловеще: «Культура». У книги два рецензента: один профессор МПГУ, другой завкафедрой этой же аббревиатуры. Аббревиатура звучит загадочно, но слова «профессор» и «завкафедрой истории» покоряют гораздо больше, чем некая «финансовая поддержка» некоего «агентства по печати и массовым коммуникациям». Книга написана также профессором, и, между прочим, из МГИМО (вот такая аббревиатура мне известна!). Труд, как явствует из маленького введения, является переработкой первой части другой монографии Т. В. Черниковой и ее *докторской диссертации* на эту же тему. Итак, если все-таки пытаться классифицировать исторические труды по их научности, то это точно не учебник и не научно-популярное произведение, а самая, что ни на есть глубинная наука, к чему в наибольшей степени склоняет даже не термин «монография» (его значение изрядно девальвировалось за последние годы), а сочетание двух, как ни странно до сих пор еще значимых для российского человека, слов: «докторская диссертация».

В упомянутом введении автор мужественно (если можно так о даме сказать) ставит перед собой какую-то странную исследовательскую задачу: доказать, что поворот Московской Руси от одряхлевшей Золотой Орды к Европе, как и ее вестернизация, начались еще до Петра I, во времена Ивана III, когда на картах Европы появилось новое государство, родившееся потенциальной империей, да так и не вышедшее за рамки традиционализма⁷. Тут смеем заметить, что поворот от пресловутой Орды произошел бы точно еще до Петра даже без всякой европеизации — ведь к тому времени Орда уже исчезла с лица земли — как было от нее не отвернуться! Впрочем, тут важнее другое — Россия (жертва традиционализма), конечно, была обречена на гибель, но при этом не только достигла всяческих успехов, а была конкурентно способной. Спасла ее та самая европеизация. Автор в двух местах дает примерно одинаковое определение данного явления как процесса постоянного заимствования и освоения нашей страной разнообразного опыта, производимого модернизирующейся Западной Европой⁸. Такая европеизация в XV–XVII вв. заменила в России органическую внутреннюю модернизацию. Для раннего времени историк трактует европеизацию как «начало диалога» между Россией и Европой — отсюда и название первого тома.

Но автору мало такой задачи — хочется еще понять «особенности цивилизационного устройства удельной Руси XII–XIV вв. и единого Московского государства». Не слишком ли много задач даже для двух томов? Но, оказывается, это необходимо для того, чтобы осознать, зачем вообще понадобилась европеизация. На фоне такой грандиозной задачи теряются и блекнут остальные: выявление степени

⁵ Всезнающий Google сообщает, впрочем, что такого города (многими воспетого) нет, а есть только село Смоленской губернии...

⁶ Черникова Т. В.: 1) Россия и Европа. Начало диалога. М., 2019; 2) Россия и Европа. «Век новшеств». М., 2019.

⁷ Черникова Т. В. Россия и Европа. Начало диалога. С. 5.

⁸ Там же. С. 5, 17.

европейского влияния, вычленение отдельных этапов в процессе освоения европейских «новин» etc.

Первый том состоит из двух частей. Первая называется: «Теоретико-методологические подходы и основы исследования». Пусть философски настроенный читатель не обольщается: здесь не будет разъяснено, что же такое эта европеизация по Черниковой, да и вообще, что это такое. Вот, например, мы ведь теперь видим, что в каждом медвежьем (слоновьем, крокодилем и т. д.) углу наблюдается явное присутствие европеизации: имеется президент, парламент, конституция и прочие атрибуты европейской демократии. Такая европеизация идет в паре с глобализацией, но грохот их командорских шагов отнюдь не делает более понятным смысл процесса. Да и история этих самых европеизируемых стран понятнее не становится. А мы ведь страсть как хотим понять специфику нашей России (а кто-то и других стран), уловить ее особенности. Кто-то рассматривает европеизацию с позиций концепции диффузионизма⁹ — не очень убедительно, но хоть понятно. Т. В. Черникова каких-то внятных объяснений этому явлению не дает. Впрочем, каюсь, это я уже по гамбургскому счету, а такого счета книга не выдерживает.

В разделе «Обзор историографии» дан лишь сбивчивый, лапидарный и избилующий лакунами список (на трех страницах) тех мыслителей (автор называет их публицистами), которые рассуждали о самобытности и европеизации России. Однако автор тут находит себе оправдание: она не хочет углубляться в «публицистические концепции», поскольку хочет показать, какое огромное значение имеет спор о европеизации¹⁰. Для чего пишется дальнейшее, понять можно с большим трудом. Дело в том, что все дальнейшее превращается в некую пародию на историографический обзор. Мало того, что и здесь вполне применима та триединая характеристика, которую я только что привел, но и сама классификация историографии парадоксальна. Чего стоит, например, выделение такой историографической группы, как «Иностранная историография и издания на иностранных языках»! Тут вместе оказались и А. Ф. Бюшинг, служивший в России в «осмнадцатом» веке, и некоторые (о ком, видимо, слышал автор) современные (и не очень) американские русисты. Положение не спасает и привлечение ряда работ, написанных в других зарубежных странах. Мы начинаем, наконец, понимать, что в основе исследования лежит такой источник, как «записки» («сказания») иностранцев о Русском государстве.

Впрочем, до конца это понять не удается, так как во второй главе, которая так и называется «Исторические источники», автор не поленился рассмотреть не только шапку Мономаха, охарактеризовав ее вес, форму, количество драгоценных камней, которыми она украшена, но даже историю московского Кремля. Пробившись сквозь общеизвестные (и в данном случае — к счастью) крайне лапидарные сведения о русских публицистических и полемических сочинениях XVI в., о летописях и актах, читатель упирается в «общую характеристику и систематизацию сообще-

⁹ Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.). М., 2007. С. 6.

¹⁰ Черникова Т. В. Россия и Европа. Начало диалога. С. 14. — Не могу не отметить, что во втором томе скромность куда-то испаряется и уже говорится о том, что «анализ публицистических и философских подходов к решению проблемы роли европеизации в русской истории мы освещали» в прежней книге (Черникова Т. В. Россия и Европа. «Век новшеств». С. 10). Совместимо ли слово «анализ» из научной лексики с тем, что мы читали?!

ний иностранцев о России»¹¹. Автор пытается классифицировать эти источники и «вычлняет» среди «записок иностранцев 6 групп свидетельств». Принцип, положенный в основу, читателю не очень понятен, да он, видимо, не так и важен, поскольку утверждается, что все равно его нельзя распространить на XV в. Дальше больше: оказывается, возможны и другие классификации — в основу можно положить «личность автора», а можно хронологию или этническую принадлежность... «Да нужны ли вообще такие систематизации и классификации», — поневоле думает приунывший читатель. Уныние его еще больше усиливается, когда пробираясь сквозь страницы, заполненные общеизвестными сведениями об этих «записках», он то тут, то там натывается на вопиющие просчеты: то русский историк — немец Федор Петрович Аделунг оказывается отнесен к зарубежной историографии, то проигнорировано последнее, вообще-то давно вышедшее и самое солидное, издание на нашей почве труда С. Герберштейна, то полностью отсутствует информация об издании сочинения А. Гваньини¹² и пр.

К тому же читатель путается и в том, что же все-таки в этом разделе анализирует историк: сами «записки» или их публикации, поскольку в какой-то момент объявляется, что «кроме отдельных изданий... в научный оборот давно введены сборники источников»¹³. И здесь же, наряду с этими общеизвестными сборниками, фигурируют издания, которые содержат документы из зарубежных архивов. Путаница нарастает... Но главные испытания еще впереди!

Вторая часть первого тома анализируемого грандиозного проекта называется «Европеизация России во второй половине XV–XVI в.». А вот первая глава называется так: «Отличие русского северо-восточного социально-экономического уклада от западноевропейского феодализма». Зачем это нужно автору в контексте его работы? Сначала автор задумывается над понятием «феодализм». Приведя на двух страницах несколько фамилий — от навязших в зубах славных французских историков до (при всем громадном уважении!) А. А. Горского, автор неожиданно заявляет: «В нашем исследовании (видимо, понятия «феодализм». — А. Д.) не ставилась задача глубоко вникать...». Так то и не исследование было!

Далее узрим переход к рассмотрению «русского пути» (кавычки Черниковой) в сравнении с «франкской и французской» схемами. Из кратких (опять же — к счастью) рассуждений можно понять только то, что славяне использовали борону-суковатку, и то, что археологический материал о них времен Юлиана и Октавина Августа отсутствует. Ну, пожалуй, еще то, что вопрос о прародине славян — дискуссионный¹⁴. Это же можно сказать и о последующем изложении. Автор то вдруг выступит с совершенно неожиданным для нашего времени безапелляционным

¹¹ Необходимо отметить, что все несуразности в тексте просто невозможно обзреть. К примеру, находим такую сентенцию: «Ряд современных российских, белорусских и украинских историков считает правильным называть литовско-русское государство Великим княжеством Литовским, Русским и Жмудским, хотя в исторических источниках оно именуется Великим княжеством Литовским» (Черникова Т. В. Россия и Европа. Начало диалога. С. 68). А ведь все — с точностью до наоборот! И это вдвойне странно, ведь государство — объект пристального внимания в современной науке. См.: Дворниченко А. Ю., Кудрявцева Р.-Е. А. Феномен Великого княжества Литовского в научном дискурсе рубежа тысячелетий // *Vylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3. P. 935–955.

¹² Черникова Т. В. Россия и Европа. Начало диалога. С. 86, 108.

¹³ Там же. С. 115.

¹⁴ Там же. С. 122–124.

утверждением, что основу Киевской Руси составило не земледелие, а международная торговля; то блеснет фамилией какого-нибудь известного историка, творчество которого вовсе и не постигла (в данном контексте меня даже не порадовала фамилия моего учителя И. Я. Фроянова), то вдруг сошлется на В. И. Сергеевича по Н. П. Павлову-Сильванскому (sic!) или на В. Б. Кобрину по А. Л. Юрганову¹⁵.

Если бы автору книги удалось прочитать Сергеевича не по Павлову-Сильванскому, а Кобрину — не по Юрганову, а главным своим историографическим источником не был бы избран, в общем-то хороший, журнал с трагической судьбой «Родина», то тогда читателю, может быть, не пришлось читать непрофессиональные рассуждения о «вотчинах», «вотчинном укладе» и прочем, что сливается в некий мутный и далекий от науки поток. Самое забавное: в конце главы оказывается, что все это надо было автору, чтобы показать резкий контраст русского менталитета с менталитетом западноевропейцев¹⁶. Здесь уже охватывает некая горечь: всю, понимаешь, жизнь свою научную посвящаешь тому, чтобы понять специфику России, которая всем ясна и внутри, и снаружи, но объяснить ее толком не могут¹⁷, а кто-то, прочитав кого-то по кому-то, картины рисует. Да не сводится все к пресловутому феодализму и вотчинному строю! И понять это можно, но читать надо сами первоисточники, а не их пересказ...

Впрочем, видимо, устав от подобных научно-теоретических «штудий», автор устремляется в «просто историю». Понять предназначение данных ста страниц в монографии невозможно. Автор, видимо окончательно запамятавав, в чем заключается специфика монографии, предлагает нам учебный материал по проблемам отношений Золотой Орды и Великого княжества Литовского, формированию Московского государства и т. д. Наверное, в очередной раз увидеть те факты и персонажи, которые любезны сердцу любого медиевиста, не так уж и плохо, тем более что источник всей главы вполне солидный и уважаемый — С. М. Соловьев, с добавлением некоторых других фамилий, выбранных по детскому игровому принципу «куда бог пошлет». Так что это было бы не так уж и страшно (хотя совершенно бессмысленно с научной точки зрения), если бы не ошибки и несуразности, выискивание которых можно поручить какому-нибудь дотошному эрудиту среднего школьного возраста. Например: «прибыли пехотные тяжеловооруженные полки из Полоцка под руководством героя Куликовской битвы князя Дмитрия Ольгердовича, дружины другого героя Куликова поля — брянского князя Андрея Ольгердовича и т. д.»¹⁸. Эрудит сидит и играет в игру «Найди отличия» (в данном случае — от исторической правды).

¹⁵ Читатель данной рецензии может возмутиться этими моими учебными реминисценциями, но я несу на себе нынче бремя юбилея: в стенах Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета обретаюсь уже 45 лет, а в качестве преподавателя — 40. Срок, согласитесь, подходящий для того, чтобы заикнуться на учебной лексике.

¹⁶ Черникова Т. В. Россия и Европа. Начало диалога. С. 158.

¹⁷ Кстати, эта проблема постоянно обсуждается на страницах «Вестника СПбГУ». См., например: Миронов Б. Н.: 1) Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, вып. 1. С. 54–82; 2) Об этнической дискриминации в поздней имперской России // Там же. 2017. Т. 62, вып. 1. С. 164–185; Дворниченко А. Ю.: 1) Смута как фактор российской истории // Там же. Т. 63, вып. 3. С. 677–701; 2) Россию понимать умом? // Там же. Т. 62, вып. 1. С. 201–214; и др.

¹⁸ Черникова Т. В. Россия и Европа. Начало диалога. С. 162–163. — Тут путаница с князьями.

Достается и Западу, и даже Востоку: в специально отведенном месте (с претенциозным слоганом — «постановка вопроса») ученая на нескольких страницах открывает читателю эзотерические знания о постепенной деградации Востока, о бурном развитии Запада. На таком фоне самое время задуматься, а какое место тут занимает Московское государство? Однако сумбурность мысли, вернее ее отсутствие, не позволяет ответить и на этот вопрос. В конечном итоге автор сбивается на пересказ зарубежной книжки о падении Константинополя¹⁹, чтобы через несколько страниц в нескольких абзацах рассмотреть проблему Московии как «потенциальной империи» и вновь претенциозно «поставить вопрос» о причинах ее успеха в модернизирующемся западноевропейском пространстве²⁰. Ответ-то нам известен: пресловутая европеизация, но беда в том, что тут игнорируется не только исторический материал, но и законы научной логики. Полемизируя с выбранными противниками (Карамзин, Уваров — тот самый славный деятель, американский историк М. По — вот так компания!), Т. В. Черникова заявляет, что самодержавие было и в Индии, велико было самодержавие и китайских богдыханов, турецких султанов. Понимает ли автор, что такое российское самодержавие, отдает ли себе отчет в том, о чем пытается толковать? Заканчивается эта глава еще некоторыми совершенно сбивчивыми сюжетами.

Так, в миллионный раз в историографической традиции (в отличие от многих предшественников, крайне неудачно) предпринимается попытка обрисовать римское наследие в идейной жизни Европы и в большей степени в России. Это просто какой-то хаос разрозненных сведений. Судя по повторам, автор вряд ли перечитывал свой текст. Так, легенды о происхождении литовцев и их князей узнаем в трех разных местах текста в пересказе разных историков²¹. Когда же Черникова напоследок добирается до сравнения России уже не с восточными странами, а с Англией и Францией, она пишет, что в глаза бросается то, что известно каждому хорошему ученику. Значит, она сама пришла к тому образу, который сразу явился моему внутреннему взору, когда я начал анализировать сие произведение. Имею в виду того самого школьника. Так что следующие несколько страниц я оставляю этому самому школьнику, тем более что взрослому человеку тут сказать нечего...

Ближе к последней трети книги вместе с автором добираемся, наконец, до этих самых иностранцев. Глава третья так и называется: «Иноземцы в России во второй половине XV — XVI в.». Здесь, опираясь на несколько общедоступных и хорошо известных трудов (главным вновь является С. М. Соловьев, ну, наконец-то в наши дни великий историк стал по-настоящему востребован!), автор старается показать, какие иностранцы были в России в это время и чем они занимались. Правда, об Аристотеле Фиорованти пишет на основе работы К. А. Хрептовича-Бутенева уже не XIX, а начала XX в. Замечательно то, что автор и не скрывает, скажем так, узости своей источниковой (скорее историографической) базы.

Когда же я добрался до главки о вкладе Аристотеля в российскую архитектуру, то невольно подумал: «Эх, осуществись моя мечта и окажись я, наконец, на седьмом десятке лет в Московском кремле, с каким удовольствием послушал бы я это из уст экскурсовода (если, конечно, ошибок нет). Но причем тут научная моно-

¹⁹ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. 2-е изд. М., 2008.

²⁰ Черникова Т. В. Россия и Европа. Начало диалога. С. 209.

²¹ Там же. С. 215, 248, 253.

графия?!» А еще подумалось, как хорошо, что у исследовательницы есть недавние предшественники. Вот не очень известный мне (но это не беда) воронежский историк О. В. Скобелкин рассмотрел несколько «сказаний» иностранцев об изменении «положения западных иностранцев в России в течение XVI в.». Черникова добавила еще несколько «записок» и (надо же!) выводы Скобелкина подтвердились.

В общем, последние главы (о самой последней еще скажу отдельно) посвящены изучению записок иностранцев. У Черниковой здесь есть серьезные предшественники. Нельзя сказать, что она никого не знает, но с историографией, как и с источниками, у нее сложные и нетривиальные отношения. Она не знает трудов К. Мейнерса²². Неясно с Ф. Аделунгом — он то русский, то зарубежный исследователь. Не знает книги Ю. А. Лимонова, со статьей А. И. Филюшкина в «Родине» знакома (судя по всему, это ее настольный журнал), а с его фундаментальной монографией нет и т. д.²³. Но главное — не эти лакуны. Главное (сермяжный вопрос): что нового вносится в изучение темы на ниве, где трудились такие корифеи, как Ключевский, Середонин и др. Ведь, например, книга Ключевского (отметим, что и после 1991 г. она издавалась у нас в стране, это не последний год издания данной книги) — подлинная энциклопедия тех сведений, которые начинающий великий историк почерпнул из «сказаний» иностранцев.

Не дает ответа на вопрос и последняя глава. Более того, обреченная на то, чтобы стать ключевой, основной в книге, она, наоборот, является наиболее слабой. Впрочем, это я уже надумываю — все главы слабые. Ну, эта все-таки самая-самая... Мысль историка все так же беспорядочно скачет вокруг крайне ограниченного круга источников и литературы, позволяя сделать вывод о том, что зря читатель будет искать смысл и в этой главе. Совершенно непонятно, как общеизвестные (с ошибками и лакунами) отношения России с Ливонией или с теми иностранцами, которые оказывались в самой России, могут свидетельствовать о некоей (пусть и поверхностной) европеизации России. Автор даже не пытается это показать, беспорядочно пересказывая привлеченные крайне немногочисленные источники и литературу. Но я обрываю рассмотрение первого тома и перехожу ко второму. Он на двести с лишним страниц больше предыдущего и посвящен одному из самых сложных веков нашей непростой истории — XVII.

Здесь тот же автор, те же рецензенты, то же загадочное «агентство по печати». Что сказать читателю по поводу первой главы «Историография вопроса о европеизации (вестернизации) России XVII в.»? Как всегда, нет никакой логики. По всей видимости, автору все равно, на кого ссылаться: на историков до 1917 г. или после, на славного С. К. Богоявленского или на пресловутого В. Р. Мединского²⁴. Начав с характеристики трудов по запискам иностранцев, автор вдруг перескакивает на «концептуальные подходы» историков-иностранцев наших дней к изучению истории России²⁵. Читатель, ломая голову над тем, причем здесь это, уже не обращает

²² Meiners C. Vergleichung des ältern und neuen Russlandes, in Rücksicht auf die natürlichen Beschaffenheiten der Einwohner ihrer Cultur, Sitten; Lebensart und Gebräuche so wie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber. Bd. I–II. Leipzig, 1798.

²³ Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978; Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013.

²⁴ Черникова Т. В. Россия и Европа. «Век новшеств». С. 24.

²⁵ Там же. С. 27.

внимания на «историографический обзор» и переходит к следующей главе об источниках по проблеме европеизации в XVII столетии... Впрочем, критик для справедливости может отметить, что такой обзор и не надо принимать всерьез — он никак не связан с последующим изложением, т. е. с текстом после самого обзора. Другими словами, автор не имеет ни малейшего представления о том, что такое историографический обзор и зачем, собственно, его делают в книжке. С трудом верится, что в московских учебных заведениях такому не учат. Впрочем, обобщать не хочу...

Лучше вернемся к обзору источников. Автор начинает с отечественной «публицистики»: «Сказания Авраамия Палицына», «Временника дьяка Ивана Тимофеева» и пр. Я с изумлением обнаруживаю, что автор не знает главного труда по теме — книги одного из столпов петербургской исторической школы С. Ф. Платонова²⁶. Тут уж, как говорится, без комментариев...

Но вернемся к обзору источников. Автору показалось мало только великорусских источников, и она обратилась к «религиозно-публицистическим сочинениям различных земель Речи Посполитой». Продравшись через цепь ошибок: «полимическая литература», «Антиграфи», «Захарий Копытинский» и т. д., я обнаружил удивительное утверждение: будто православные полемисты спорили с Мартином Бельским, Мацеєм Стрыйковским, Гваньини и даже... с «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия²⁷. Что ж, в такой ситуации могу только предложить автору монографии почитать труды моей ученицы, которая только что прошла курс бакалавриата в Санкт-Петербургском университете²⁸.

Итак, после «обзоров» читателю предлагается 600-страничный текст, который нам и надо оценить. Сделать, это в общем-то несложно. Перед нами некий пересказ русской истории, изобилующий разного рода несуразностями и ошибками, несмотря на то что источник использован вполне добротный — все та же «История России» С. М. Соловьева и в дополнение к ним «сказания» иностранцев о Российском государстве. В начале второго тома автор, в очередной раз произнеся какие-то ставшими уже ритуальными заклинания по поводу российского «вотчинного уклада»²⁹, заявляет, что вопрос о трансформации этого самого уклада под воздействием европеизации — один из важнейших вопросов русской истории. Якобы в XV–XVI вв. была выработана даже «модель» такой европеизации. В Смуту наступила пора, когда модель подлежала изменению³⁰. Но автор прежде никакой такой

²⁶ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник // Платонов С. Ф. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М., 2010. С. 187–594.

²⁷ Черникова Т. В. Россия и Европа. «Век новшеств». С. 46–47. — Справедливости ради отмечу, что совсем в другом месте автор вспоминает нужного здесь П. Скаргу (Там же. С. 519).

²⁸ Чупрына Ю. А.: 1) Исторический образ Киевской Руси в полемической литературе конца XVI — первой половины XVII вв. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019». М., 2019. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2019/data/15776/96538_uid329708_report.pdf; 2) К вопросу о взглядах православных западнорусских полемистов на Московское государство // Filo Ariadne. 2020. № 1. С. 134–145.

²⁹ Этот «вотчинный уклад», который автором позаимствован у знаменитого Р. Пайпса, — своего рода универсальная отмычка ко всем явлениям экономической, социальной и политической жизни России в данной книге. Фраза «в России закрепощение вполне логично вытекало из вотчинного уклада и укрепляло его» (Черникова Т. В. Россия и Европа. «Век новшеств». С. 503), по мысли автора, должна разъяснить все. Смею уверить — она только затемняет.

³⁰ Черникова Т. В. Россия и Европа. «Век новшеств». С. 73–79.

схемы читателю не показал, а, следовательно, как ее можно было кому-то и как-то менять? Ведь еще великий У. Шекспир говаривал, что «from nothing will be nothing».

Впрочем, вскоре выясняется, что автора все это не очень-то и волнует. Дальше идет сбивчивый текст, взятый из источников нескольких видов: «сказания» иностранцев, работы «дореволюционных» историков (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский) и в ряде случаев советских (А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников). Некоторые авторские трактовки, «подслушанных» им историй, могут вызвать неоднозначную реакцию. Так, пересказана «трогательная», по определению автора, история о том, как взрослые съели ребенка³¹. Не могу считать такую историю «трогательной», здесь спор о характере чувствований, а важнее проблема здравого смысла. Непонятно, зачем, с какой целью автор довольно подробно (еще и сбивчиво, с ошибками) пересказывает, основываясь на узком круге источников, события Смутного времени, сопровождая их знаковыми комментариями о том, кто такие И. И. Болотников, Лжедмитрий II, черкасы, лисовчики и т. д. и т. п. Что, собственно, пытается создать автор: учебник или монографию? Не получается ни то ни другое.

Так в чем же все-таки европеизация по Т. В. Черниковой? Под иностранным влиянием вера в чудом спасенного природного царевича к 1610 г. начала изживаться, вытесняясь идеей создания «совета всей земли и созыва в освобожденной от поляков Москве Земского собора для выбора законного монарха. Это было сродни тем общественно-политическим идеям и действиям, которые утвердились в Европе в раннее Новое время»³². Ай, спасибо иностранцам: ведь речь идет не о сомнительной болонской системе или еще о чем-то, чем они сейчас терзают с помощью отечественных чиновников нашу бедную Россию. В Земском соборе и монархии нашей, оказывается, тоже их след... На подобном фоне заявление о том, что «наша смута» стала частью общеевропейской смуты (Тридцатилетней войны!) и что в ходе «своей Смуты» Россия искала «свое новое место в этой меняющейся Европе» — выглядит уже не таким странным³³.

Дальше, рассмотрев по тем же Соловьеву и Ключевскому, «международные проекты России в Смуту»³⁴ (вся новизна научной трактовки здесь именно в звучном названии), автор предлагает нам главу под претенциозным названием «Противоречивые влияния Смуты на европеизацию России». Сбивчиво начав пересказывать сведения иностранцев о Московии (тут находит себе место и манихейство, неизвестное им, но воспетое доморощенными мыслителями уже в наши времена), автор вдруг перескакивает на другую тему: роль тех или иных сословий в Смуте. Видимо, очень уж в глубине души хочется почувствовать себя не только «специалистом» по иностранным «сказаниям» о России, но и крупным «смутоведом». Все по тому же узкому кругу источников мы узнаем о «роли казачества в Смуту», крестьянства, посадских людей, боярства, дворянстве и «сынах боярских». При этом читатель делает вместе с автором неожиданное открытие, что казаки перестали быть крестьянами и не собирались возвращаться в крестьянство³⁵. Он (читатель)

³¹ Там же. С. 93.

³² Там же. С. 134.

³³ Там же. С. 156.

³⁴ Там же. С. 157–233.

³⁵ Там же. С. 290. — Таких «откровений» в книге предостаточно. Например, автор гордо заявляет, что мифом учебно-популярной исторической литературы стало утверждение, что в Сибирь бежали от крепостного права. На самом деле Сибирь осваивали черносошные крестьяне Русского

может поспорить с неким «бывшим народником Г. В. Плехановым», который, оказывается, охарактеризовал крестьянство как самый темный и реакционный класс³⁶. Для разнообразия автор рассказывает (по А. Л. Станиславскому и ряду других авторов) о Соборе 1613 г. В общем, все эти титанические усилия нужны для того, чтобы сделать потрясающий своей новизной вывод: «русская земская монархия первой половины XVII века не стала аналогом сословно-представительной монархии на Западе»³⁷. А что же пресловутая «европеизация»? Да, ничего: новые подходы и проекты не удалась, а русские и иностранцы стали только больше ненавидеть друг друга³⁸. Стоило ли для столь эпохальных выводов исписывать столько бумаги?

Третья часть второго тома удивительной диалогии посвящена тому самому «веку новшеств». Собственно, метода автора та же самая. Постулируется сомнительный теоретический тезис о «реставрации прежней модели европеизации» (как будто была какая-то новая!), а дальше идет сбивчивый текст с ошибками, мало связанный с данным постулатом, пытающийся представить русскую историю. Интересна и сама манера изложения. Автор говорит, что статья такая-то посвящена тому-то. Ею-то мы и воспользуемся, чтобы пролить свет на такую-то проблему. Ну, хоть честно... Правда, непонятно, в чем же тогда авторский вклад. Таким же образом (на основе других общеизвестных книжек) пересказывается и русская военная история этого периода.

Потом маятник исследовательской мысли снова качается в сторону гражданской истории — государственного управления. Постулируется глубокая научная мысль из области скорее довольно модной альтернативной истории: «земская монархия этого времени имела шанс послужить началом глубокой модернизации государственного устройства России». Однако не послужила: слишком малы и слабы были «протобуржуазные городские слои русского общества»³⁹. Задачу же подтверждения этой мысли автор вновь пытается себе упростить, благо есть хорошие книжки и «глубочайшие знатоки архивного материала». Вот и излагается история по П. В. Седову, А. П. Богданову, Н. Ф. Демидовой, А. Е. Морозовой, А. А. Преображенскому. Честный подход всегда приятен, но понимает ли исследовательница характер научного труда, эвристического поиска? Впрочем, справедливости ради, отметим, что ученая поскромничала — в ряде мест она дала глухие ссылки и на другие труды. Хотя, если уж таков характер труда, то хочется и придраться. Так, например, излагая регентство Софьи по Л. Хьюз, надо было все-таки привлечь книжку и нашего отечественного (который, впрочем, уж давно не отечественный, а парижский) историка А. Лаврова⁴⁰. Но к концу своего изложения автор уже в полной мере овладевает данным приемом, постоянно указывая, на какие монографии

Севера и казаки. (Там же. С. 509). Не знаю зады какой замшелой «учебно-популярной литературы» изучала ученая, но сейчас ее «открытие» звучит как триумф.

³⁶ Там же. С. 295.

³⁷ Там же. С. 324.

³⁸ Там же. С. 324–325.

³⁹ Там же. С. 449.

⁴⁰ Лавров А. С. Регентство царевны Софьи: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства. М., 1999. — Интересно, что в списке литературы эта книга есть. Но тогда встает вопрос о соотношении текста и списка литературы.

опирается тот или иной раздел ее труда⁴¹. При этом выясняется, что среди них есть любимые, которые кочуют со страницы на страницу (в ход идет даже учебник для вузов), но тогда надо объяснить, почему они такие любимые, а другие даже не упоминаются.

Сообщив нам банальные и общеизвестные сведения по экономическому и социальному развитию России и несколько фактов освоения Сибири, Черникова переходит к европеизации культуры. Тут перед ней, казалось бы, широкое поле для исследования, ведь начинается она с воссоединения Украины с Россией, т. е. речь идет о том самом первом окне (по крайней мере, форточке), прорубленном в Европу. Злую шутку с автором в очередной раз играет незнание материала, в частности историографии. Имеются в виду важнейшие произведения видных историков и прежде всего столпа петербургской исторической школы А. С. Лаппо-Данилевского⁴² (об источниках говорить не приходится, поскольку мы уже выяснили, что «исследование» построено на литературе).

Пожалуй, я на этом остановлюсь. Последующие почти сто страниц содержат интересные, иногда даже пикантные факты и ситуации (например, о совместном мытье русских и немцев разных полов в бане), но вся информация носит вторичный характер и вынуждает задаваться все тем же вопросом: нужно ли было изводить столько бумаги для пересказа фактов, не лучше ли любознательному читателю взять почитать это в первоисточнике, тем более что роль автора сводится к нулю или к некоей медиативной функции.

Чем завершить? При советской власти существовала цензура на фильмы и книжки, и в том было мало хорошего. А вот внутренний цензор не так и плох. Спору нет, сейчас ученому в России работать лучше, свободнее. Но, что же делать, как избежать выхода в свет таких произведений? И тут мне в голову пришло такое ноу-хау: надо подключить к делу зеленых. Они ребята боевые, упертые и за лесные богатства России стоят горой (честь им и хвала!) — не допустят напрасной траты бумаги. Нам же остается бороться с катастрофическим падением общего уровня культуры...

References

- Alekseeva E. V. *Diffusion of European Innovations in Russia (18th — beginning of 20th century)*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, 368 p. (In Russian)
- Chernikova T. V. *Russia and Europe. Start of Dialogue*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ, Kul'tura Publ., 2019, 438 p. (In Russian)
- Chernikova T. V. *Russia and Europe. "Century of Innovation"*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.; Kul'tura Publ., 2019, 665 p. (In Russian)
- Chupryna Yu. A. To the Question of the Views of the Orthodox West Russian Polemicists on the Moscow state. *Filo Ariadne*, 2020, no. 1, pp. 134–145. (In Russian)

⁴¹ Черникова Т. В. Россия и Европа. «Век новшеств». С. 463. — При этом неизменно указывая, где можно почитать о том или о сем поподробнее.

⁴² Лаппо-Данилевский А. С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики = *Lappo-Danilevskij A. S. Politische Ideen im Rußland des 18. Jahrhunderts: ihre Geschichte im Zusammenhang mit der allgemeinen Entwicklung der russischen Kultur und Politik*. Köln; Weimar; Wien, 2005. — Конечно, это издание редкое и малодоступное, но было же издано (и довольно давно) более краткое и вполне доступное: *Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.* М., 1990.

- Dvornichenko A. Yu. Can Russia be Grasped with the Mind? *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, iss. 1, pp. 201–214. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Mirrors and Chimeras. On the Emergence of the Old Russian State*. St. Petersburg, Evraziia Publ.; Moscow, Klio Publ, 2017, 559 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Smuta as a Factor of the Russian History. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, iss. 3, pp. 677–701. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. On the Subject of Historiography. *Drevniaia Rus': obshchestvo, vlast', kul'tura: sb. st. k 60-letiiu professora V. V. Puzanova*. Eds V. V. Dolgova, D. A. Kotliarova. Izhevsk, Udmurtskii universitet, 2020, pp. 12–23. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu., Kudryavtseva R.-E. A. The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenniums. *Bylye Gody*, 2019, vol. 53, iss. 3, pp. 935–955. (In Russian)
- Filiushkin A. I. *Inventing the First War of Russia and Europe: Baltic Wars of the Second Half of the 16th Century through the eyes of contemporaries and descendants*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2013, 880 p. (In Russian)
- Gulyga A. V. *The Art of History*. Moscow, Sovremennik Publ., 1980, 288 p. (In Russian)
- Lavrov A. S. *Regency of Princess Sophia: A Serving Society and the Struggle for Power at the Top of the Russian State*. Moscow, Arkheograficheskii Tsentr, 1999, 299 p. (In Russian)
- Lappo-Danilevskii A. S. *History of Russian social thought and culture of the 17th–18th centuries*. Moscow, Nauka Publ., 1990, 292 p. (In Russian)
- Lappo-Danilevskii A. S. *The History of Political Ideas in Russia in the 18th Century in Connection with the General Development of its Culture and Politics*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 2005, 462 p. (In Russian)
- Limonov Yu. A. *Cultural Ties between Russia and European Countries in the 15th–17th Centuries*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 276 p. (In Russian)
- Meiners C. *Vergleichung des ältern und neuen Russlandes, in Rücksicht auf die natürlichen Beschaffenheiten der Einwohner ihrer Cultur, Sitten; Lebensart und Gebräuche so wie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber*. Bd. I–II. Leipzig, 1798. 347 S.
- Mironov B. N. Imperial and Soviet Modernization. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, iss. 1, pp. 54–82. (In Russian)
- Mironov B. N. Ethnic discrimination in late imperial Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, iss. 1, pp. 164–185. (In Russian)
- Platonov S. F. Old Russian Legends and Tales of the Time of Troubles of the 17th Century as a Historical Source. *Platonov S. F. Sobranie sochinenii v shesti tomakh*. Vol. 1, Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 187–594 (In Russian)
- Ransimen S. *The fall of Constantinople in 1453*. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyrnia, 2008, 416 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 8 июня 2020 г.

Рекомендована в печать 9 сентября 2020 г.

Received: June 8, 2020

Accepted: September 9, 2020